

УДК 81

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ
НЕСОГЛАСИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Л. Ю. ДАНИЛИНА

E-mail: larisa.danilina63@gmail.com

Г. С. САТАЕВА

E-mail: Galina-sataeva@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена лингвопрагматическим особенностям анализа явлений вербального обозначения несогласия в диалогическом дискурсе в художественной отечественной и зарубежной литературе. Основное внимание уделяется анализу интерактивно значимых компонентов обозначения несогласия участников коммуникативных актов и выделению функциональных возможностей высказываний диалогического дискурса с обозначением несогласия. Такие факторы, как коммуникативная установка адресанта, тип речевой ситуации, характер взаимодействия и личностные особенности адресанта и адресата рассматривается в рамках анализа как фундаментальные.

Актуальность представленной темы обусловлена недостаточной изученностью базовых типов функций высказываний диалогического дискурса.

Представленные наблюдения будут полезны студентам филологических направлений подготовки.

Ключевые слова: несогласие, дискурс, речевое взаимодействие, речевое поведение, лингвопрагматика.

Не секрет, что обществом создается запрос на выделение новых направлений и дисциплин, связанных с естественными и гуманитарными науками. Обусловлено это, прежде всего, потребностью в информации, учитывающей все нужды человека. Так, в лингвистике появляются такие новые ответвления, как социолингвистика, этнолингвистика, нейролингвистика, прагмалингвистика и т. д.

Первым ученым, «открывшим» в 1860-е гг. новое направление «прагматизм» и «семиотика», стал американский философ Чарльз Сандерс. Позднее его разработки получили дальнейшее развитие в трудах Чарльза Морриса, который стал первым ученым, разделившим семиотику на три взаимосвязанные дисциплины: прагматику, синтаксис и семантику. Считается, что в рамках прагматики изучается употребление языка в контексте и интерпретацию речевых актов. Советский и российский языковед, доктор филологических наук, профессор Ю. Д. Апресян под прагматикой понимает «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату» [1]. Таким образом, поведение человека является отра-

жением внутреннего индивидуального отношения к окружающему пространству и людям.

Основным средством создания коммуникативного акта служат намерения, желания и ощущения адресата и адресанта, которые формируют процесс перехода от интенционального состояния к непосредственно самому речевому контакту.

Важно отметить, что феномен речевого поведения исследуется не только в психологии и социологии, а также представляет большой интерес для лингвистической науки. Данный интерес обусловлен тем, что каждый адресант намеревается изменить поведение или состояние реципиента (что ведет к вербальному, физическому или эмоциональному отклику), то на выходе получается полноценная ситуативно обусловленная диалогическая речь. В свою очередь, такая речь понимается учеными-лингвистами как множество внешних условий общения и внутренних реакций, которые заставляют человека обмениваться информацией в повседневной жизни.

На сегодняшний день можно наблюдать такую тенденцию как дискурсивизация исследований, а именно «рассмотрение дискурса как формы социального действия, т. е. рассмотрение как социального взаимодействия, или интеракции – диалога» [2].

Соответственно, интерактивный аспект следует считать превалирующим элементом дискурса, который, в свою очередь, подразделяется на два типа: индивидуально-личностный и социальный. Если «для дискурса важно включение коммуникации в социальный контекст», то «для диалога обязательно наличие такого признака, как обмен речевыми высказываниями, интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов» [3].

Диалог есть не что иное, как дискурсивное речевое взаимодействие между коммуникантами, а, в свою очередь, дискурс – это речь или текст, помещенный в ситуацию диалога.

Стоит отметить, что термины «диалог» и «дискурс» близки семантически. Однако в содержательном плане «диалог» указывает на интерактивный характер, тогда как термин «дискурс» применяется как указание о включенности коммуникации в социальный контекст [4].

По мнению доктора филологических наук, профессора Т. Н. Колокольцевой, научный анализ диалога как отдельного аспекта в лингвистике начался довольно давно. Тем не менее сегодня можно выделить целый ряд подходов к изучению диалогического дискурса: функционально-стилевой, коммуникативно-прагматический, семантический, формально-грамматический. Эволюция современных научных подходов ведет к появлению обширного числа междисциплинарных разработок в рамках исследований диалогической речи. [5].

В современной филологии основным видом диалога рассматривается бытовой разговор, который был выделен учеными-лингвистами в качестве отдельного направления – «бытовой диалог». Главной особенностью такого диалога, по мнению доктора филологических наук М. Ю. Олешкова, следует считать «полный отказ от априорных теоретических конструкций, сугубый эмпиризм, уверенность в том, что непредвзято исследуемые реальные данные сами подскажут аналитику, какие модели употребления являются основными» [6].

В данной статье мы, вслед за доктором филологических наук, профессором О.И. Иссерс, будем рассматривать диалогический дискурс как «результат

совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий, помимо собственно речевого произведения, определенный набор экстралингвистических признаков (конситуативные показатели, определенные пресуппозиции и т. п.), обеспечивающих адекватное понимание сообщаемого» [7].

Говоря о семантической организации диалога, прежде всего, стоит обратиться к ее тематическому плану. Так, учеными принято выделять три группы диалогических единств: 1) сложное, в которых идет взаимодействие между всеми участниками коммуникативного процесса; 2) сложное синтаксическое единство, где инициативу проявляет один из коммуникантов; 3) квазидialog, который не подчиняется тематическим планам адресата и адресанта [8]. В рамках данного исследования вербальное несогласие – это важная тематическая перманентная составляющая семантической организации диалога.

Тем не менее данная тематическая составляющая имеет как структурный, так и лингвопрагматический план, который включает в себя взаимодействие коммуникантов с опорой на тематическую семантику. Тем самым, исходя из вышеописанного, можно сделать вывод, что вербальное выражение несогласия участниками речевого процесса является методом знакового управления диалогом.

Употребление вербального несогласия в речи понимается одним из участников коммуникации как вызов или побуждение реципиента к изменению мнения по данной проблематике, а также навязывание определенной линии поведения. Такие интенции могут привести к кардинальным изменениям тематики и самой природы диалога, а также «динамической системы взаимоотношений собеседников», в целом.

Вербальное несогласие следует рассматривать в контексте, представление значимости которого не вызывает сомнения у ученых в современной прагматике. Контекст включает в себя когнитивное и психологическое состояние реципиентов, а, значит, при анализе высказывания собеседнику необходимо адекватно интерпретировать намерения и чувства партнера.

В рамках представленного исследования авторами статьи были выделены и обозначены следующие функции:

1. Высказывания с обозначением намерения говорящего:

Buddy: And you will tell them you want to audition on the piano.

Linda: Don't you tell me what to do.

My father: Do you mean to say you're not planning to play the piano? You've got this fantastic talent and you're not going to play it? What about that piece you were just playing, you're not going to play it for them?

Linda: Do you know anything about music?

My father: Not really.

Linda: Then mind your own business. [9, p. 24]

Высказывания с обозначением намерения говорящего позволяют структурировать диалог как коммуникативное целое. Фраза отца («Ты что же не собираешься играть на фортепиано? У тебя фантастический талант – и ты не будешь играть? А то, что ты сейчас играла, – ты им это сыграешь?») определяет повестку диалога, которая скрыта за несколькими вопросами и, при обобщении сказанного персонажем произведения, можно проследить общую линию – желание, чтобы Линда играла на фортепиано. Однако интересно также создание диалога как некоего целостного коммуникативного построения

ния благодаря цепочке обозначений, связанных с позицией несогласия девушки. Таким образом, диалог приобретает определенную структуру, где показаны две противоположные точки зрения.

То же самое можно видеть и в следующем примере:

– Nonsense...Clearly, I don't expect him to master any of this anytime soon, but, it is never too early to begin a duke's education.

– He's not a duke... nurse muttered.

– He will be. [9, p. 13]. (Ерунда ... Ясно, что я не ожидаю, что он в ближайшее время научится всему этому, но никогда не рано начинать получать образование соответствующее герцогу. - Он не герцог... - пробормотала няня. - Он будет).

Представленные выше диалоги выстраиваются в единый коммуникативный блок за счет элементов цепочки обозначений несогласия говорящего.

2. Контроль эволюции понимания высказывания адресатом. Например:

– Да разве вы знаете, кто убил? – спросила она, леденя от ужаса и дико смотря на него.

– Знаю и скажу... Тебе, одной тебе! Я тебя выбрал. Я не прощения приду просить у тебя, я просто скажу. Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал. Прощай. [10, с. 71]

Речь второго коммуниканта ярко демонстрирует подготовку к получению информации первым путем внедрения фразы «я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда», которая указывает на некоторую отсылку к предыдущим этапам жизни героев, а также одновременно часть указанного выше предложения существует в виде некой подготовки реципиента за счет событий уже состоявшихся.

Рассмотрим пример из англоязычной литературы:

– It is not for me to say, but... I remember her letters to you at school, and I recalled that she was fourth in the family, so she had to start with D...

– You are hinting on something, aren't you?

– No. [9, p. 47]. (Не мне говорить это, но... я помню ее письма к вам в школе, и я вспомнил, что она была четвертой в семье, поэтому ей пришлось начать с Д... – Ты на что-то намекаешь? – Нет).

Высказывание первого участника акта коммуникации «не мне говорить это, но...» содержит в себе завуалированную подготовку к переходу к неприятной для второго участника коммуникации теме.

3. Запрещение для реципиента высказываний определенной референциальной отнесенности, например:

– Are you as bored and frustrated as you look?

– I said I never answer trick questions. [9, p. 35]

Короткий диалог демонстрирует читателю нежелание второго собеседника продолжать общение по данной тематике («Я на вопросы с подвохом не отвечаю»), однако в данном случае речь не идет о прекращении диалога. Наблюдается лишь некоторая калибровка направленности, которая позволит адресанту избежать коммуникативных неудач.

Стоит рассмотреть следующее высказывание:

Don't say 'make good'! It's slang, and it's horrid. Let's talk another things. [11, p. 35]. (Не говори «делай лучше»! Это сленг, и это ужасно. Давай поговорим о чем-нибудь другом.).

В данном случае участник акта коммуникации показывает свое негативное отношение к применению просторечия «take good» и желание продолжать беседу на другую тему («давай поговорим о чем-нибудь другом»).

4. Побуждение к прекращению речевой деятельности.

– Эй вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо? – крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами.

– Это что значит? – строго спросил господин, нахмутив брови и свысока удивившись.

– Убирайтесь, вот что!

– Как ты смеешь, каналья!.. [10, с. 67]

Примечательным в представленном диалоге является не только факт призыва первого собеседника к закрытию коммуникативного акта фразой «убирайтесь, вот что», но и ответ второго участника речевой деятельности «как ты смеешь, каналья», который служит предложением к продолжению общения. Последние две фразы требуют особого рассмотрения с точки зрения прагматической организации семантики дискурса, т.к. в них нет открытого призыва закончить со стороны первого говорящего и продолжить диалог со стороны второго, а становится это ясно только в контексте и при соблюдении некоторых условий. Стоит также отметить, что в данном случае не последнюю роль играет и эмоциональная окраска, которая передается автором произведения.

Рассмотрим англоязычный пример:

– Why did you think I was d-dead?

– It is not for me to say.

– But why? [9, p. 81] (Почему ты думал, что я мертв? – Не мне об этом судить. – Но почему?).

В данном диалоге мы наблюдаем завуалированную форму призыва закончить процесс коммуникации одним из участников диалога («Не мне об этом судить»).

Не менее интересен и следующий пример.

– Less talking, more moving!

– Ok, let's go. [9, p. 76] (Меньше слов, больше дела! – Хорошо, пошли).

В диалоге очень ярко показано и достаточно грубо представлено желание одного из коммуникантов прервать акт коммуникации («Меньше слов, больше дела!»).

5. Предложение модели коррекции понимания высказывания реципиентом.

– А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены... Идеи-то, пожалуй, и бродят, – обратился он к Петру Петровичу.

– Не соглашусь с вами, – с видимым наслаждением возразил Петр Петрович, конечно, есть увлечения, неправильности, но надо быть и снисходительным: увлечения свидетельствуют о горячности к делу и о той неправильной внешней обстановке, в которой находится дело. Если же сделано мало, то ведь и времени было немного. [10, с. 56]

Речь Петра Петровича начинается с несогласия со своим оппонентом, однако после этого идет предложение, в котором можно увидеть изменение мнения по обсуждаемым моментам или даже некоторую трансформацию картины мира. Таким образом, для привлечения внимания второй говорящий вынужден дать резкий ответ и привлечь к себе внимание, создавая тем самым

некий психологический ход, который в дальнейшем сможет помочь убедить собеседника в истинности высказанного Петром Петровичем мнения.

Рассмотрим следующий пример:

– Good God, you don't think I'm trying to pair you off with Daphne.....do you? You would never suit. You're a bit too brooding for her tastes. [9, p. 79] (Боже правый, ты же не думаешь, что я пытаюсь соединить тебя с Дафной ... не так ли? Ты никогда не подойдешь. Ты слишком задумчивый для нее).

Данная реплика содержит знаки речесихических действий, которые направлены на другого участника коммуникативного акта и не оставляют ему права выбора. Адресант подчеркивает фразой «Боже правый, ты же не думаешь...не так ли?» неприемлемость иного толкования ситуации.

6. Побуждение к смене коммуникативных ролей в диалоге.

– And you, madam, can go or, if you wish, can stay.

– No one speaks to me that way. No one!

– Not even the king? Don't you want to live your own life and do what you want?

– For me it doesn't matter. [9, p. 36] (А Вы, мадам, можете идти или, если хотите, остаться. – Никто так со мной не разговаривает. Никто! – Даже король? Разве Вы не хотите жить своей жизнью и делать то, что хотите? – Для меня это не имеет значения.).

В данном диалоге можно наблюдать ситуацию, в которой адресант дает адресату право выбора. Первая фраза героя предоставляет право выбора другому участнику коммуникативного акта, однако ответ «Для меня это не имеет значения» заставляет адресанта снова проявлять инициативу и действовать по своему усмотрению.

7. Побуждение партнера к соблюдению постулатов речевого общения, например:

– Вопрос ваш обширен. Могу ошибаться, но, кажется мне, нахожу более ясный взгляд, более, так сказать, критики; более деловитости...

– Это правда, – процедил Зосимов.

– Врешь ты, деловитости нет, – вцепился Разумихин. [10, с. 120]

Представленный диалог освещает постулат истинности, к которому призывает один из героев Достоевского – Разумихин. Обращение последнего коммуниканта побуждает изменить свое повествование первого участника диалога и действовать в соответствии с определенной повесткой речевого акта.

8. Стимулирование адресанта к переходу к конкретной стратегии или тактике:

– Правда ль, что вы сказали вашей невесте... в тот самый час, как от нее согласие получили, что всего больше рады тому... что она нищая... потому что выгоднее брать жену из нищеты, чтоб потом над ней властвовать... и попрекать тем, что она вами благодетельствована?..

– Милостивый государь! – злобно и раздражительно вскричал Лужин, весь вспыхнув и смешавшись, – милостивый государь... так исказить мысль! Извините меня, но я должен вам высказать, что слухи, до вас дошедшие или, лучше сказать, до вас доведенные, не имеют и тени здравого основания. [10, с. 49]

Герой романа Достоевского Лужин отвечает участнику речевого акта несогласием «так исказить мысль». Персонаж произведения пытается склонить

на свою сторону оппонента и изменить его устоявшееся мнение по поводу определенной ситуации.

9. Определение формы речевого общения, посредством предъявления адресату качественных характеристик собственного речевого поведения:

– Да вы кто такой, – вскричал он, – вы-то что за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества изрекаете?

– Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный, А вы – другая статья; вам Бог жизнь приготовил. [10, с. 220]

Речь второго участника диалога содержит в себе несогласие с мнением оппонента, хоть и не ярко выраженное. Для более четкого описания ситуации участник диалога представляет себя, тем самым присваивая себе такие качества, как «чувствующий», «сочувствующий», «знающий».

10. Психологическая агрессия или подавление другого участника диалога.

– Настасья, уйди, ради Бога; вот твои три копейки, только, ради Бога, скорей уйди! [10, с. 45]

Данный фрагмент диалога интересен для анализа с точки зрения умалчивания участником беседы конкретных причин такого поведения. Однако адресант настаивает на прекращении диалога и заставляет героя произведения Достоевского подчиниться такому требованию безоговорочно путем агрессии, хоть и добавив в предложение просьбы «ради Бога», которые также задают тон всего высказывания.

Такая же ситуация встречается и в следующих примерах:

– God, you're not having an affair with her, are you?

– Obviously not. Do you think it's funny joking about that? [9, с. 72]. (Боже, у тебя же с ней роман? – Нет конечно. Ты думаешь, это смешная шутка?)

– Why do you have to be so harsh on people?

– I'm not being harsh.

– I don't care if you're blushing, I won't tell anyone [11, с. 79]. (Почему ты должен быть таким суровым по отношению к людям? – Я не резкий. – Мне наплевать, что Вы покраснели. Я никому не скажу).

11. Психологическая защита:

– А сознайтесь, милый юноша, что вам ужасно хочется знать, про что я читал?

– Вовсе не хочется; я так спросил. Разве нельзя спросить? Что вы все... [10, с. 93]

Диалог между двумя действующими лицами ярко демонстрирует читателю психологическое давление адресанта, с помощью которого он пытается навязать свою точку зрения фразой «а, сознайтесь», тем самым создав предпосылки к согласию оппонента. Однако другой участник диалога проявляет стойкость и не соглашается с ним, поставив «психологический барьер» фразой «вовсе не хочется». Однако вскоре, поспешив снять напряжение между коммуникантами, добавляет вопрос «разве нельзя спросить». Такие интенции стоит расценить как еще один случай использования психологической защиты и одновременно давления, так как такого рода вопросы уже включают в себе «нужный ответ» для адресата.

– Don't pretend you don't see me!

– Euf . I hope I did not give that impression, lady, for... Why do you think that I have done this?

– Not you. They. [9, с. 32]. (Не делай вид, что не видишь меня! – Надеюсь, я не произвел такого впечатления, леди, потому что ... Почему вы думаете, что я сделал это? – Не Вы. Они.)

В представленном диалоге один из говорящих психологически подавляет второго, пытаясь принизить его. Фраза «Не делай вид, что не видишь меня!» призвана заставить собеседника почувствовать свою вину. Тем не менее второй участник коммуникативного акта пытается дать отпор и защитить себя («Надеюсь, я не произвел такого впечатления... Почему вы думаете, что я сделал это?»). Тем самым он выстраивает психологический барьер.

12. Формирование положительного образа говорящего, например:

– Детей я вообще люблю, я очень люблю детей. На этот счет я вам могу даже рассказать прелюбопытный один эпизод, который и до сих пор продолжается. [10, с. 230]

Один из участников диалога хоть и выражает свое несогласие с собеседником, однако применяет особый психологический вербальный ход для формирования положительного мнения о говорящем.

13. Коррекция неадекватного понимания партнером предыдущего высказывания говорящего, например:

– Идти с фальшивым билетом – куда же? – в банкирскую контору, где на этом собаку съели, – нет, я бы сконфузился. А вы не сконфужитесь?

– Я бы не так сделал, – начал он издалека. – Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу... [10, с. 38]

В отрывке романа Достоевского «Преступление и наказание» второй собеседник показывает свое несогласие с высказыванием оппонента, однако делает это аргументированно с намерением изменить точку зрения другого участника диалога и навязать свою картину мира.

Подводя итоги исследования, стоит, прежде всего, отметить, что диалогический дискурс следует рассматривать как непрерывно развивающийся контекст, особую роль в котором играют такие аспекты, как прагматический, психологический и социокультурный. Кроме того, для диалогического дискурса характерна постоянная динамика. Во-вторых, стоит еще раз подчеркнуть, что коммуникативные акты несогласия в диалогическом дискурсе представляют собой коммуникативное событие между адресантом и адресатом, происходящее в процессе взаимодействия в контексте определенного времени и пространства. В-третьих, анализ материала позволил выделить и описать двенадцать функций, которые четко прослеживаются в процессе коммуникативного акта в рамках диалогического дискурса с обозначением несогласия одного из коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенова, И. Н.* Диалог. Основные свойства и критерии членения : учебное пособие / И. Н. Аксенова, Т. А. Жалагина. – Тверь : Академия, 1991. – 270 с. – Текст: непосредственный.
2. *Апресян, Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря: прагматика и проблемы интенциональности./ Ю. Д. Апресян. – Москва : Академик, 2008. – 172 с. – Текст : непосредственный.
3. *Григорьева, В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Тамбовский государственный технический университет. – 288 с. – Текст: непосредственный.
4. *Грайс, Г. Ф.* Логика и речевое общение: новое в зарубежной лингвистике. / Г. Ф. Грайс. – Москва : Прогресс, 1985. – Выпуск 16. – С. 217. –Текст : непосредственный.
5. *Колокольцева, Т. Н.*, Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2006. – С. 260–262. – Текст: непосредственный.
6. *Олешков, М. Ю.* Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект : учебное пособие. / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2002. – 117 с. – Текст : непосредственный.
7. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.
8. *Кенжебалина, Г. Н.* Лингвопрагматика : учебное пособие для студентов и магистрантов филологических специальностей / Г. Н. Кенжебалина. – Павлодар : Кереку, 2012. – 121 с. – Текст : непосредственный.
9. *DeWitt, H.* The Last Samurai / H. DeWitt. – New York : New Directions, 2016. – P. 42–43. – Текст : непосредственный.
10. *Достоевский, Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Азбука, 2021. – Текст: непосредственный.
11. *London, J.* Martin Eden. / J. London. – Москва : Каро. – Текст: непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилина Лариса Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка (второго) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: larisa.danilina63@gmail.com

Сатаева Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка (второго) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: Galina-sataeva@yandex.ru

**TO THE QUESTION ABOUT THE FUNCTIONAL POSSIBILITIES
OF VERBAL COMMUNICATION WITH THE INDICATION
OF DISAGREEMENT IN THE DIALOGICAL DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH ART WORKS)**

Abstract. This article is devoted to the linguo-pragmatic features of the phenomena of verbal designation of disagreement in dialogical discourse in Russian and foreign fiction literature. The main attention is paid to the analysis of interactively significant components of the designation of participants in communicative acts and the selection of the main types of statements of dialogical discourse with the designation of disagreement in the organization of dialogue as verbal interaction. The communicative attitude of the addressee, the type of speech situation, the nature of the interaction and the personal characteristics of the addressee and the address are considered in the framework of the analysis as very most important factors.

The relevance of the topic presented is due to insufficient study of the basic functions of the statements of dialogical discourse.

The presented observations will be useful for students of philological training programs.

Keywords: disagreement, discourse, speech interaction, speech behavior addressee, linguapragmatic.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danilina Larisa Yurievna, Cand. Sc. (Linguistics), Senior Lecturer of the Department of English (Second Foreign Language) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: larisa.danilina63@gmail.com

Sataeva Galina Sergeevna, Cand. Sc. (Linguistics), Lecturer of the Department of English (Second Foreign Language) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: Galina-sataeva@yandex.ru